

Неправильно сейчас дети знакомятся

УТРЕННИЙ ЭТЮД

ВРЕМЯ... Оно как песок меж пальцев. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее вся его масса устремляется прочь. И ее ничем не удержать!

Наконец, в раскрытой ладони остается лишь несколько маленьких зернышек, которые ты наивно пытаешься удержать, но и тут ничего не выходит – либо ветер, либо нелепый толчок со стороны заставляет упасть последние крошки вниз. И больше ничего не остается, как глупо наблюдать за удаляющимися вдаль своими безвозвратными годами. Ничего не попишешь – назад твой «песок» уже не подпрыгнет, не поднимется. Он смешался с землей, с воздухом, со Вселенной... В конечном итоге – его нет! Куда уходит время?... И что это – материя, природа или некая научная субстанция, еще не изученная человечеством?

– Ничего себе, мысли! – подумал Кушкин. – Я, прям, философ какой-то! Ай да Кушкин, ай да сукин сын! Кстати, где-то я уже это слышал...

Кушкин сидел в служебной машине и ждал начальника. Рабочий день еще только начался, и тот должен был выйти. Вот водитель и коротал время такими сложными внутренними суждениями. А мысли эти ему пришли, когда он обратил внимание на утреннюю суету на улице. Время было как раз такое, что те, кто работает, должны уже давно быть на работе, а кто нет – либо еще не проснулись, либо только-только начинали открывать свои глазки. В общем, эта категория находилась еще дома. И на улице, по идее, в этот час должно быть затишье. Однако постоянное шарканье чьих-то ботинок, непрекращающиеся голоса и вообще ощущение бесконечного движения рядом с машиной заставили Кушкина оторваться от книги – в перерывах между поездками он имел обыкновение читать и смотреть из окошка автомобиля: что же там, наконец, творится? Оказывается, начался новый учебный год. И ученики дружной стаей направлялись в школу. За новыми знаниями, новыми

КОЛАЖ ИРИНЫ ЖУРАВЛЕВОЙ

приключениями, разочарованиями и радостями.

– Так сегодня четвертое сентября! Ничего себе, время летит! – подумал тогда Кушкин. – А раньше я всегда был в курсе... Вот, мол, детишки пошли в школу... А на этот раз и не заметил...

Мимо шли ученики. Нарядные, веселые. С новыми портфелями, ранцами... Первотклассники, первоклассницы в блестящих башмаках и туфельках, в свежескупленных костюмчиках и платьицах, при бантах, белых воротничках и прочей праздничной мишуре, сопровождающей начало учебного года. Вот двое... топают уже с мороженым. И где они

достали! С утра пораньше... Ага, остановились. Один запачкался. Отряхивается... Стоят, смеются, как ни в чем не бывало. Тебя же мать собирала! Стирала, гладила. Вы куда, в конце концов, идете, в школу или в цирк? Ученики же постарше шли уже «солидно», особо не отвлекаясь на всякие внешкольные формальности. В джинсах, кроссовках, иные даже с простым полиэтиленовым пакетом вместо портфеля. И пусть сезон начался серьезный, учебный, этакая аура необходимости, свободы, независимости от неких условий и правил взрослой жизни все же ощущались основательно. И

когда один мальчишка, казалось бы, ни с того ни с сего сорвался с места бегом и, нагнав какую-то девчонку – видимо, одноклассницу, шибанул той подзатыльник, Кушкин сразу определил царящее вокруг веселое школьное настроение.

Подзатыльник, кстате, был довольно легким. Кушкин тогда еще подумал: «Уж он бы врезал как следует! Да и еще, скорее всего бы, портфелем. А тут мимолетное касание... Да, что-то меняется в человеческих отношениях. Неправильно сейчас дети знакомства заводят! Хотя, нет!» – наблюдал он картину дальше. Подружка довольно резко отмахнулась от своего обидчика, и

потом они уже, как ни в чем не бывало, пошли в сторону школы вместе, оживленно о чем-то беседуя, при этом сильно жестикулируя и смешно размахивая своими разноцветными сумками. Наверное, так начинается первая школьная любовь... И еще: Кушкин обратил внимание – когда мальчишка догонял свою подружку, при беге носки его ног назад всегда откидывались в разные стороны. Почему дети так бегут? И он так бегал, наверное... Вот тогда-то на него и налетели пространные мысли о времени, о песке, о жизни...

– И я так же бегал, – подумал Кушкин, – когда был маленьким... – он зло сжал обод руля и заскрипел кожаным сиденьем – как все обрыдло! – Теперь вот – никуда! Сиди тут, жди...

А начальника все не было. ...Когда «командир» все же вышел, то машины на месте не обнаружил. Никогда такого не было! Тем более, только что в окно ее видел... Случилось, что ли, чего?..

Но вскоре человек со значительным лицом и, соответственно, таким же положением в обществе облегченно вздохнул: из-за угла дома неспешно вырливала его машина.

– Ты где это пропадал? – спросил начальник. – Ведь только что у подъезда стоял. Куда тебя носило?

У шофера лицо было глупое-глупое. И счастливое!

– За мороженой ездил, – сам удивляясь своему поступку, ответил тот. – Вот что-то захотелось...

– Понятно, – вздохнул серьезный человек и взглянул в сторону школы. – А мне купил?

– Конечно.

Хотя времени было мало, опаздывали, но водитель и пассажир спокойно уселись в машине и, не торопясь, умяли давно забытое детское лакомство. Ели молча, каждый втихаря, будто стесняясь и наблюдая за проходящими мимо школярами. Эти двое сейчас ужасно им завидовали. Из машины слышался то ли хруст вафельных стаканчиков, то ли шорох улетающего в неведомые дали песка.

АНДРЕЙ КУДИНОВ.

ДЕБЮТ

Лилия КАРПУХИНА

Так

Такая штука странная – любовь. Полюбишь, а потом не замечаешь, Как все ушло, и вдруг ты понимаешь, Что нет любви – одна ты вновь.

Забывлась, отрешилась ото всех, Какой сегодня день? Что в мире происходит? Здесь каждый для себя что-то находит Кого-то ждет фиаско, а кого успех.

В толпе прохожих буду жить. Мы встретились случайно и слеза – Прозрачный бриллиант в моих глазах – И кажется – любовь не оживить!

Хотела

Хотела стоять, но больно упала, Хотела большего, а получила мало, Сказать хотела, скоро онемела, И я почти не знаю, что мне делать.

Взойти на гору попыталась, Но силы подвели, и я осталась На том же самом месте, Где мы недавно были вместе.

Подумать о хорошем не могу: Воспоминаний – море, утону. А, может, мне по краю льда? Пройтись по стеклам, что тогда?

Очки и шляпа

СОБЕСЕДОВАНИЕ

ОТБЛЕСК СВЕТА от очков настыр-но остановился на Собеседнике.

– Ну! Вспомнили? – буравя недобрым светом, спросили Очки.

– А чего вспоминать? Нету! – ответил Собеседник.

– Чего нету, мать вашу?

– Вот матери и нет, например.

– Какой матери? – начали выходить из себя Очки, от чего свет переломился по-другому: чуть в сторону от глаз Собеседника.

– Моей. Вы же спросили: вспомнил ли я мать свою, – вяло оправдывался Собеседник и опять впал в простратию.

– Нет, это вы сказали: «Нету!» Чего нету-то?

– А... Воспоминаний... Чего вспоминать-то? Что было, то, слава богу, прошло. И нечего ворошить прошлое.

Луч от очков взметнулся в потолок. Наступила тишина.

«Дебила», – подумали Очки.

«Нудный мужик», – подумал Собеседник.

Взяв себя в руки, что означал вернувшийся на место отблеск, Очки спросили:

– А вы зачем пришли?

– Так это вы меня позвали. Сказали, что без вас никак.

– И чего?... Чего, спрашиваю..., бабушку вашу?

– Нету.

– Чего опять нету?

– И бабки нету... Сирота я, – вздохнул Собеседник.

– Круглая?

– Да вот так как-то... жизнь повернулась...

– Может, отвернулась?

– А чего ей отворачиваться, она меня и не замечала никогда.

Луч от очков взметнулся в потолок. Наступила тишина.

«Тюфяк», – подумали Очки.

«Дерево-мужик», – подумал Собеседник.

Очки, вздохнув безнадежно, спросили:

– Так на чем наш разговор остановился?

– Нету!

– Чего?!

– Темы у нас с вами нету. Для разговоров-то... Вот и не клеится он.

– Кто?

– Разговор, что же еще нас объединять-то может...

– А вы считаете, что мы можем быть чем-то объединены? – оскорбились Очки.

– А как же. Основой своей... человеческой, ну, натурой, что ли. Вот ее-то у нас и нету.

– Натуры?

– Не-е – основы... человеческой.

Очки стали подрагивать на носе и даже потемнели от злости. А может, это солнце за окном спряталось.

«Философ», – подумали Очки.

«Темень-мужик», – подумал Собеседник. Тут он оживился:

– Скажите, вот вы все очками сверкаете, сверкаете, глаз не показываете, вас что-то гложет? Может, стоит поделиться мыслями с другими, не держать, так сказать, все в себе. Легче станет, поверьте. Пока я здесь – могу послушать, совет дать какой-никакой.

Смурной вы очень, одинокий. Нельзя же так с собой... И с нами...

– Нету! – заорали, вскакивая, Очки.

– Чего нету-то? – робко пялся к двери, удивился Собеседник.

– Сил больше нету! Во-о-он из моего кабинета, психотерапевт, блин!!!

КОЛАЖ АВТОРА

«Нервный мужик», – успел подумать Собеседник, резво закрывая за собой дверь.

...Через три часа, когда на улице стемнело, они опять встретились. Случайно. Возле ларька. Лил сильный дождь. Друг друга они не узнали: один был без очков и под зонтом, другой – под шляпой, которую натянул на самый нос. Он робко протянул в ларек деньги:

– Пиво. Одну.

Из ларька дерзко выкрикнули:

– Без сдачи!

– Так нету!

Мужик под зонтом вздрогнул и заорал:

– Во-о-он из моего кабинета!

Шляпа, он же Собеседник, резко повернувшись, побежал под дождем в бесконечность. Остановившись через квартал, он стоял на углу чужого дома и долго размышлял о том, что так и не дали ему кредит.

Из-за начальника безопасности, который вызвал на собеседование и несправедливо быстро его прервал. А еще говорят, что в очках – люди интеллигентные.

– Солдафон! – вслух выразился Собеседник.

– Шляпа! – откликнулся мужик под зонтом, проходивший мимо.

ИРИНА ЖУРАВЛЕВА.